

Николай Златовратский

Потанин вертоград

Как это было

Николай Златовратский
Потанин вертоград

«Public Domain»

1911

Златовратский Н. Н.

Потанин вертоград / Н. Н. Златовратский — «Public Domain»,
1911 — (Как это было)

«Нигде, кажется, нет столько «мечтателей», как среди нас, русских. Это явление в высокой степени знаменательное. Мечта – что бы ни говорили против нее люди практические – ведь это поэзия жизни, заглушенный порыв к идеалу, страстное желание взмахнуть духовными крыльями, чтобы хотя на мгновение подняться над скорбной и серой юдолью жизни...»

Содержание

* * *	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Николай Николаевич Златовратский

Потанин вертоград

* * *

Нигде, кажется, нет столько «мечтателей», как среди нас, русских. Это явление в высокой степени знаменательное. Мечта – что бы ни говорили против нее люди практические – ведь это поэзия жизни, заглушенный порыв к идеалу, страстное желание взмахнуть духовными крыльями, чтобы хотя на мгновение подняться над скорбной и серой юдолью жизни. И никогда, кажется, не плодилось у нас столько этих «мечтателей», как в годы, непосредственно предшествовавшие и следовавшие за «освобождением». Предо мною прошло много таких фигур, которые оставили на душе глубокий след.

Освободительные идеи уже носились в воздухе и проникали все глубже и глубже в самые глухие закоулки нашей родины – и вот из этих глухих «недр» вдруг потянулись, как из пещер на мерцающий вдали свет, какие-то странные личности, удивительные, приводившие всех в изумление, а иногда даже и в страх, о существовании которых никто, кажется, не мог даже и подозревать. Эти странные личности иногда появлялись и в зале моего отца, поражая наше детское воображение. Личности были действительно странные: помещики – лохматые, бородастые, в нагольных или суконных полушубках и личных сапогах¹ или валенках, но в то же время в очках или с какими-то особыми перстнями «с сувенирами» на грубых, толстых, загорелых пальцах, кутившие из каких-то особых «турецких» трубок с причудливыми чубуками; говорили они большею частью громко и грубовато, хотя нередко вставляли французские фразы, и очень много выпивали водки. Но зато над ними все добродушно подсмеивались и говорили, что это самый милейший и добрейший народ, за исключением, впрочем, истинных «бар», которые ими брезговали и посматривали на них очень подозрительно, встречая их теперь, к своему изумлению, на дворянских собраниях. Все они приезжали в город, обыкновенно, в простых крестьянских пошевнях² или телегах, всегда рядом с «братом-мужиком», который, однако, непременно оказывался каким-нибудь особенным, «феноменальным мужиком»; этого «феноменального» брата-мужика они почти насильно тащили с собой в комнаты, к гостям и в гости, поили водкой и рассказывали присутствующим про его какие-нибудь необыкновенные дарования: то он оказывался замечательным оратором и знатоком народных песен и мотивов, то изобретателем удивительных машин, но настоящим «министром» по уму...

– Вот оно где сидит – это будущее-то!.. Вот здесь-с!.. Дайте только нам с ним ход!.. Уж поверьте нам, мы с ним из одной чашки одной ложкой хлебаем!..

И увлеченный патрон, похлопывая по плечу своего протеже, машет возбужденно руками, ерошит на голове волосы и особенно выразительно сверкает на всех глазами, в которых так ясно светится какая-то неизреченная «мечта»...

Потом – какие-то удивительные добровольцы из духовного звания, добровольцы-расстриги³, чрезвычайно неловко чувствовавшие себя в мешковатых, купленных наскоро и по случаю сюртуках, и брюках, не знавшие, куда девать свои руки и ноги, и стыдившиеся своих подстриженных затылков и бритых бород. Это они вдруг расстались с своими «пещерами» и, гонимые какой-то изумительной «мечтой», выношенной в длинные вечера в своих берлогах, двинулись в города и столицы «приложить свои силы к делу... на светском поприще».

---

¹ *Личные сапоги* – сшитые из кожи, повернутой стороной, где была шерсть, наружу.

² *Пошеви* – широкие сани, розвальни.

³ *Расстрига* – служитель религиозного культа, лишенный сана, или монах, лишенный монашества.

А вот какой-то толстенький, низенький, с проседью человек, мещанин, надевший барский сюртук, но забывший переменить сапоги-кубышки, подбрывающий по-прежнему, как рекрут, затылок и носящий оловянную серьгу в ухе. Это – бывшая правая рука знаменитого откупщика, вдруг взбунтовавшийся какой-то дикой мечтой, и теперь вот чего-то волнуется, бегают, суетится, плюется, на чем свет ругает и проклинает и своего бывшего «хозяина» и свою собственную «продажную душу», не дает никому покоя своим покаянным порывом и доносами на всевозможные откупные фортели и плутни и какими-то невероятными реформаторскими проектами., которые он сочиняет сотнями, просиживая напролет целые ночи в грязных номерах гостиниц. А вот еще – высокий, белобрысый, длинный и сухой, как вежа, юный послушник, с висящими косицами желтыми волосами, в шумящем коленкоровом полукафтани. Он постоянно всех просит шепотом на пару слов, «по секретному делу», и затем, уведя собеседника куда-нибудь за печку, целый час мучит его какими-то странными, маловразумительными сообщениями, вытаскивая в то же время таинственно из-за пазухи целый ворох стихотворных упреждений «обличительного направления»...

Было тут же немало и крестьян, но так как все они в то время принадлежали к какому-то особому «секретному» разряду людей, с которыми разговаривали не иначе как в темных передних, или сенях, или прямо на кухне, и то какими-то полупапеками, то вначале мы, дети, имели о них очень смутное представление.

Намечались уже в то время личности и несколько другого характера, так сказать «обратного течения» – не «из недр», а «в недра». Я помню хорошо одного мелкого чиновника, уже не молодого, лет тридцати, который до того заинтересовался «начавшимся делом», что чуть не каждый день приходил к нам, говорил с отцом, прислушивался ко всему, что только имело какое-нибудь отношение к делу, но сам не высказывался, а между тем все более становилось заметно, что он что-то носил в душе, что-то в нем назревало. Это был раньше просто скромный, задумчивый, одинокий человек, а теперь вдруг он сделался оживленным, нервным; он чего-то ждал напряженно, со страхом, но вместе и с надеждой на что-то такое, что должно было его спасти чуть не от смерти. Он был словно заключенный, считавший лихорадочно минуты своего освобождения, о котором до него долетела смутная молва. И действительно, когда «вопрос» был уже окончательно решен, он пришел к нам и торжественно объявил отцу, что «он теперь свободен»! И в доказательство прибавил, что уже продал довольно удачно «всю форменную свою пару». Оказалось, что Буднев (так его звали) подал в отставку и заявил его преосвященству⁴ о своем смиренном желании «принять иноческий⁵ чин». Это было так неожиданно, что даже отец был изумлен. И только впоследствии оказалось, что тайною мечтою Буднева было поступить в миссионеры⁶... Но почему он не мог это все сделать раньше, почему все это было приурочено им к освобождению крестьян, к которому он мог иметь только очень отдаленное отношение, – это, как и многое другое, касавшееся всех этих странных личностей, составляло загадку, еще раз доказывавшую только, что 19 февраля было у нас явлением далеко не сословного только характера: оно являлось преддверием великого освобождения личности вообще, как материального, так и духовного. Чтобы хотя несколько понять это и почувствовать, достаточно было в то время взглянуть на Буднева, когда, после нескольких месяцев «искуса» в каком-то монастыре, он явился к нам, вместо знакомого, шаблонного вицмундира, в новеньком черном подряснике, подпоясанном широким кожаным поясом, с отпущенной бородкой и уже длинными волосами; глаза его вдохновенно горели, все в нем было возвышенно и торжественно. Да, действительно, «он, наконец, был свободен!...». И в сияющих взорах этого чудака

⁴ Преосвященство – в соединении с местоимениями «его», «ваше», «их» – титулование епископа.

⁵ Иноческий – то же, что монашеский.

⁶ Миссионер – проповедник, посылаемый церковью для религиозной проповеди и распространения христианства среди нехристиан.

светилась та же таинственная всепокоряющая «мечта», которая раскрывала пред ним какие-то неизреченные перспективы.

Все это были, конечно, «чудаки», личности несколько исключительные, но в этих оригинальных «уродцах», выброшенных со дна взбудораженной общественной и народной стихии, может быть, невидимо прозябали те ростки, которые после сказались в явлениях изумительных и большого значения.

Но эти «чудаки» были и в глазах своих собственных и наших «люди серьезные», а потому исключительно имели дело с моим отцом и всегда наполняли только наше зальце. Но у нас, на детской половине, у матушки, хотя и не призванной к «серьезной, деловой жизни», были, однако, свои «мечтатели», свои чудаки и оригиналы, заявлявшие какие-то свои права на жизнь, и, конечно, это были прежде всего женщины. И в то время когда для нас, детей, серьезные люди батюшкиной половины были малопонятны и являлись только чудаками и оригиналами, – мечтатели, ютившиеся скромно и робко около матушки, напротив, всегда как-то очень скоро становились для нас своими людьми, «живыми», к которым мы сразу привязывались своей детской душой.

Бывало, вдруг вынырнет на свет божий из каких-то неведомых ни для кого палестин такая «душа» (и, вероятнее всего, еще крепостная), заявится к нам, всегда сначала по каким-то «делам», а там, глядишь, и живет у нас неделю и другую: нас спать укладывает, сказки рассказывает, грудного ребенка по целым часам нянчит, с матушкой по ночам какие-то таинственные беседы ведет, словно она с нами век прожила, выходила нас и вынянчила. Живет-живет так, бережно храня на сердце что-то дорогое и заветное, и вдруг снова нырнет, иной раз навсегда и бесследно, и исчезнет в необозримой глуши наших палестин. А иной раз... иной раз такая бродячая душа неожиданно соединит свои судьбы с твоими невидимыми и непостижимыми узами...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.